

ТРУДЫ ТОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

4

Томская духовная семинария
Томск
2019

ББК 86.372.24-3
УДК 281.9(091)
Т56

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р20-920-0750*

Главный редактор:

Митрополит Томский и Асиновский Ростислав

Редакционная коллегия:

Протоиерей Андрей Носков

Протоиерей Михаил Фаст

Костюкова Т. А.

Т56 Труды Томской духовной семинарии. Сборник четвертый.
Томск: Издательство Томской духовной семинарии. 2019.
398 стр.

ISBN 978_5_6043583_3_7

В сборник включены статьи преподавателей и студентов Томской духовной семинарии по основным направлениям научных исследований по церковной истории, богословию, философии, филологии и церковно-практическим дисциплинам.

Адресован преподавателям и студентам духовных учебных заведений, гуманитарных факультетов вузов, специалистам в области религиоведения, истории, филологии, а также всем, интересующимся вопросами богословия и церковной истории.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

Архимандрит Иосиф (Еременко). Сделанное для обители
Преосвященством никогда не забудется.
(К истории Иверско-Серафимовского женского монастыря
г. Верного.) 6

К. М. Джусоев. Противоречия между Константинополем и Римом
в V–VI вв.: «Акакианская схизма» (484–519) и «Лаврентиевский
раскол» (498–514) 41

Диакон Дмитрий Кремнев. О прекращении занятий в зимний
период в духовных учебных заведениях Томской епархии в 80-е
годы XIX века 59

Иерей Евгений Маслич. Социальная и благотворительная деятельность
Алтайской духовной миссии периода руководства миссией святителем
Макарием (Невским) 72

А. М. Клим, С. А. Песоцкая. Истоки возникновения и исторические
последствия раскола в Русской Церкви XVII века 89

Протоиерей Тихон Смокотин. Православная Церковь и интеллигенция
в Томской губернии в XIX — начале XX в. 100

Диакон Роман Чиорня. Православная миссия в Японии под
руководством архиепископа Николая (Касаткина) (1861–1912 гг.) 117

А. И. Шалыгин. Агиография святых новомучеников и исповедников
XX века Нарымского края 143

П. С. Шараев. Преподобный Иосиф Волоцкий — борец за сильное
государство 160

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

<i>Епископ Колпашевский и Стрежевской Силуан. Образ будущего и нравственные ценности</i>	168
<i>Диакон Игорь Иванов. Всеславянство и всечеловечество в трудах преподобного Иустина (Поповича) Челийского</i>	174
<i>Иерей Константин Хиров. Святая великомученица Параскева Пятница: забытые традиции и обряды</i>	182
<i>Протоиерей Евгений Морозов. Восприятие библейского учения о пастырстве в русском православном богословии.....</i>	190
<i>Протоиерей Андрей Носков. Опыт понимания отвлеченной философии</i>	200
<i>Иерей Антоний Слугин. К вопросу об историко-этимологическом и религиозно-философском анализе богословской терминологии</i>	221
<i>Протодиакон Роман Штаудингер. Гекзапла Оригена.....</i>	232

ЦЕРКОВНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

<i>Л. В. Глушкова. История развития системы коллежского делопроизводства</i>	243
<i>Иеромонах Паисий (Одышев). Об интеграции молокан донского толка в российский баптизм в конце XIX — начале XX в.</i>	260
<i>Т. А. Костюкова. Церковь и молодежь: поиск взаимодействия.....</i>	286
<i>Протоиерей Андрей Туров. Учение иеговистов о Боге</i>	299
<i>Н. И. Сазонова. Литургическая реформа патриарха Никона и изменение представлений о церковной иерархии (по материалам никоновского исправления Третьяка)</i>	307

ФИЛОЛОГИЯ

Г. В. Калиткина. Этнос и этика традиционной культуры через призму предикатов речи.....318

И. А. Поплавская. Книги Ветхого Завета в структуре романа
И. А. Гончарова «Обрыв»..... 333

ПУБЛИКАЦИИ

Митрополит Томский и Асиновский Ростислав. Трагические события истории Томской церковно-учительской школы в 1909 году (к 110-летию мученической кончины иеромонаха Игнатия (Дверницкого)) 348

Авторы сборника 395

Н. И. Сазонова

**ЛИТУРГИЧЕСКАЯ РЕФОРМА
ПАТРИАРХА НИКОНА И ИЗМЕНЕНИЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦЕРКОВНОЙ
ИЕРАРХИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
НИКОНОВСКОГО ИСПРАВЛЕНИЯ
ТРЕБНИКА)**

Аннотация: в статье рассматривается литургическая реформа патриарха Никона в связи с изменениями в области представлений о церковной иерархии. Эти изменения рассматриваются на материале исправления Требника при патриархе Никоне. Делается вывод о том, что в результате реформы проводится четкая граница между «мирянами» и священниками, монахами как носителями особой благодати. Это сопровождается изменениями, определяющими статус священника или монаха в рамках церковной иерархии. Вершиной ее является патриаршество и царство, подчеркиванию роли которых немалое внимание уделяют реформаторы.

Ключевые слова: литургическая реформа патриарха Никона, Требник, церковная иерархия, священство, монашество.

Литургическая реформа патриарха Никона является, пожалуй, одной из самых масштабных в истории Русской православной церкви и, несомненно, самой серьезной в плане последствий — поскольку главным последствием реформы стал существующий до настоящего времени церковный раскол. В дискуссии, развернувшейся в русском обществе XVII в. вокруг реформы, важное место заняли вопросы внутри-церковных отношений, которые далеко не всегда сводились

к отношениям и амбициям личного характера. Уже в первые годы после реформы ее противники резко высказывались не только по поводу собственно богослужебных «новин», но и в связи с тем, что патриарх Никон «на Бога возгордился», что выразилось в изменении не только богослужения, но и статуса священнослужителя. Высказывания и претензии противников реформы по этому поводу многообразны: например, в сочинении романо-борисоглебского священника Лазаря выражается и несогласие с тем, что освящение храма совершает только архиерей, а «протопопом и попом святить не велено» [1, с. 180], и возмущение неоправданным, с его точки зрения, расширением прошений о царе и патриархе в богослужении, и сокращением покаянных молитв архиерея и священника при входе в храм, «и тем они возгордились, мнятся чисты были» [1, с. 193–194]. Интересно, что с этой точкой зрения в данном случае солидаризировались и светские власти (во всем остальном — активно поддерживавшие реформу), недовольные возвышением статуса патриарха как «великого государя» и его личными амбициями. Таким образом, очевидно, что современники воспринимали действия патриарха как некую попытку трансформировать представления о церковной иерархии и государственно-церковные отношения. Чтобы понять направленность таких трансформаций, следует обратиться не только к полемической литературе, но и собственно к богослужебному тексту, к которому она апеллирует.

В настоящей статье мы попытаемся проследить изменения в области видения церковной иерархии на материале никоновского «исправления» Требника. Выбор этого источника продиктован не только его распространенностью в среде верующих (Требник содержит в себе последования совершения основных Таинств Церкви (кроме Таинств Евхаристии и Священства), основные чины и молитвы,

совершаемые священником по просьбе прихожан), но и тем, что новое видение церковной иерархии в наибольшей степени отразилось в этом источнике.

При анализе изменений, внесенных никоновской реформой в текст Требника, наиболее плодотворным представляется сопоставление никоновских текстов с текстами богослужебных книг, изданных в период деятельности «кружка ревнителей благочестия» (вторая четверть XVII в.), так как именно эти дониконовские тексты в основном воспринимались старообрядцами как правильные и истинные. В частности, это Требники 1636, 1639, 1647 и 1651 гг., экземпляры которых сохранились как в фондах музеев и библиотек Москвы и С.-Петербурга, так и в фондах региональных музеев и библиотек. В период активного участия патриарха Никона в реформе Требник был издан единожды — в 1658 г. До соборов 1666–1667 гг., но уже без участия патриарха издание Требника было предпринято еще раз, в 1662 г. В этот период «междупатриаршества» была в основном сохранена преемственность в проведении исправления богослужебных книг: Требник 1662 г. имеет практически тот же состав, что и Требник 1658 г. Издания 1658 г. и 1662 г. сохранились в фондах Государственного исторического музея, Государственной публичной библиотеки, Библиотеки Академии наук РФ, в фондах региональных музеев и библиотек.

При рассмотрении дониконовской и никоновской редакций Требника обращает на себя внимание то, что действительно большая группа изменений его текста, внесенных литургической реформой, связана с возвышением статуса архиерея по отношению к священнику. Это проявляется уже в области состава Требника: если до реформы священник имел право освящать церковь, то после реформы это

становится прерогативой архиерея, в связи с чем и чин освящения церкви, которым открывались все дониконовские Требники, удален из Требника 1658 г. Это изменение было воспринято противниками реформы как проявление «годыни» патриарха [1]. Вместе с тем, в тексте Требника немало и других изменений, как будто подтверждающих стремление патриарха Никона возвысить статус архиерея. Например, интересны повсеместные изменения в текстах ектений во всех чинах Требника. Характерной чертой никоновского текста является существенное расширение прошений о патриархе и царе. Так, в ектениях на Великое и Малое освящение воды, в чине Крещения, в чине Обручения и Венчания в молитвах поминается не только царь, но также «благочестивая царица и благороднейший царевич и благороднейшие царевны», «христолюбивое воинство» [2, л. 57 об. — 59; 3, с. 201–212]. В чине Венчания в ектению в ее начале добавлен ряд прошений, в том числе — о царе и патриархе [2, л. 117 об.; 3, с. 91]. Расширено прошение о патриархе также в конце молитвы «Велий еси Господи...» в чине Великого освящения воды [2, л. 62; 3, с. 217].

То, что такая направленность изменений не была случайной, подтверждает емкое высказывание патриарха Никона о достоинстве патриаршего сана: «Патриарх есть образ жив Христов и одушевлен делесы и словесы, в себе живописуя истину» [4, с. 228]. Отсюда и добавление «о святейшем патриархе нашем» в тексте многих ектений. Святость здесь относится не к конкретному патриарху, а патриаршеству вообще, но, вместе с тем, позволяет воспринимать и конкретного патриарха как «образ жив Христов». Достаточно характерен появившийся при патриархе Никоне (но не получивший распространения) чин богослужебного действия о Страшном Суде, совершаемого в Неделю о Страшном Суде.

Чиновник Московского Успенского собора подчеркивает участие в действе патриарха (архиерея), однако выход патриарха из храма осуществляется в рамках целого шествия — крестного хода. Так, патриарха сопровождают иконы, кресты, хоругви из Успенского собора и других храмов и монастырей Кремля: «А пред ним идут с хоругвюю большею, да с другою, из Чудова или от Архангела, да два креста выносных, един письмянной, другой хрустальный, да несут образ Пречистыя Богородицы в кивоте, что чудотворец Петр писал, и прочия иконы меньшия» [5, с. 84–85]. Оговаривается участие в действе чудотворных образов и в других чиновниках: например, в Чиновнике Холмогорского на действо «из соборныя церкви износят две хоругви, икону Богородичну запрестолну, да образ Всемиловитового Спаса и Богородицы Одигитрии, что стоит у Воздвижения» [5, с. 68]. Особое значение имеет участие в действе чудотворных икон, в которых, согласно православной традиции, наиболее сильно личное присутствие святых. Как указывает П. А. Флоренский, икона «есть граница между миром видимым и миром невидимым... Иконостас есть явление святых и ангелов — агиофания и ангелофания, явление небесных свидетелей, и, прежде всего, Богоматери и Самого Христа во плоти, — свидетелей, возвещающих о том, что по ту сторону плоти» [6, с. 40]. Тем самым, на крестном ходе патриарха сопровождает «облак свидетелей» (Евр. 12:1), которые «одновременно в двух мирах совмещают в себе жизнь здешнюю и жизнь тамошнюю» [6, с. 39]. Обращает на себя внимание то, что «посторонь патриарха» два диакона несут Евангелия: «Протодиакон идет, а несет большее Евангелие с камением драгим, и другой диакон идет со другим Евангелием печатным по другую сторону» [5, с. 84]. В обоих случаях речь идет

о напрестольном Евангелии, знаменующем собою Христа. При этом и сам священнослужитель, по свт. Симеону Солунскому, символизирует Христа [7, с. 305–306].

Именно такое понимание патриарха вызывает непонимание оппонентов литургической реформы: «Прежде во православной церкви на переносе не так бывало, но ко всему лицу мирскому глагола дьякон и священник: "всех вас до помянет Господь Бог во Царствии своем, всегда, и ныне, и присно, и во веки веком"; а до царя дошед, глаголет: "да помянет Господь Бог благородие Твое во Царствии Своем"; а к патриарху пришед: "да помянет Господь Бог святительство твое во Царствии Своем". А не в лице говорили именем его, посылая во Царство Небесное: буде он и грешен, ино род его царев православен, а в роду и святой обрящется. Тако и патриарх, аще и согрешит нечто, яко человек, но святительство непорочно. А ныне у них все накость да поперег; жива человека в лице святым называй: коли не пропадет. В Помяннике напечатано сие: "помолимся о державном святом государе царе". Вот, как не беда человеку!» [8, стб. 465–466]. Однако, необходимо отметить, что, наряду с повышением статуса архиерея по отношению к священству, присутствует и повышение статуса священника по отношению к мирянину. Именно изменения этой группы во многом и дают ключ к пониманию нового видения церковной иерархии, отраженного в никоновских текстах.

Наиболее нагляден в этом отношении чин Исповеди. Пожалуй, из всех чинов, содержащихся в Требнике, он претерпел наиболее радикальные изменения. Обращает на себя внимание то, что существенно — с нескольких десятков листов до нескольких строк — сократилась речь священника, обращенная к исповеднику. При этом речь идет не просто о механическом удалении частей текста, а о достаточно

серьезном изменении тональности самого обращения. В качестве примера можно привести фрагмент обращения священника к исповеднику в дореформенной редакции (сама речь имеет значительный объем, занимая до 3–4 листов): «Да аще чадо хоцещи избыти содеянных тобою злых и прощения прияти всех твоих грехов, то не устыдися лица моего, ни усумняся, но вся ми исповеждь и не утай ничтоже, вся бо Господь Бог весть... Аз же ти чадо буду послух и поручник твоему спасению. И паки глаголет священник тихо: се, чадо, предстоят ангели Божии, невидимо заглажающе грехи твоя, яже исповеси... Но что суть грехи твои, чадо, не осрамляйся мене, исповеждь без стыдения, аз бо таков же человек и грешнее паче всех человек». [2, Л. 147 об.–150]. В новой редакции обращение к исповеднику значительно сокращено: «Се, чадо, Христос невидимо предстоит, приемля исповедание твое. Не усрамяся, ниже убойся и да не скроеши что от мене, но не обвиняя рцы вся, елика соделал еси, да приимеши оставление от Господа нашего Иисуса Христа. Се и икона Его пред нами, аз же точию свидетель есмь... Аще ли что скроеши от мене, сугуб грех имаши. Внемли убо, понеже пришел еси во лечебницу, да не неисцелен отыдеши» [3, с. 62–63]. В речи священника никоновской редакции, в принципе, нет речи о личной греховности священника и его покаянии. Священник выступает не как «таков же человек», что и кающийся, а как носитель Благодати священства, причем его личная греховность в данном случае значительно менее актуальна, хотя и не отрицается. Речь идет о том, что значение священника поднимается от понимания священника как конкретного человека на уровень священства вообще.

Обобщающее понимание духовного сана, не только священнического, но и монашеского, вводится и рядом других изменений. Показательно то, что взамен чинов монашеского

пострижения для иноков и инокинь (текстуально почти совпадавших) в Требнике 1658 г. введен единый чин иноческого пострижения, с пояснениями, касающимися пострижения инокинь, помещенными в скобках. В этом изменении легко увидеть стремление обобщить само понятие монаха, перейти от конкретного — монах, монахиня — к более общему пониманию «ангельского чина», подобно тому, как такой же переход в понимании священства мы видели в чине Исповеди. Та же тенденция просматривается и в ряде других текстовых изменений, менее масштабных, но не менее значимых.

Так, очень характерно изменение в чине Елеосвящения, где в молитве с Евангелием слова «во Евангелии сем, еже сослужебницы мои со пресвитеры придержат на главе сей» сокращены до «... еже сослужители мои держат». В этом случае удаляется перечисление участвующих в таинстве священнослужителей и происходит обобщение [2, л. 232. об.; 3, с. 179–180]. В тексте чинов Малого и Великого ангельского образа неоднократно удаляется прямое указание на самого монаха или даже на священнослужителя, совершающего постриг. Это происходит, в частности, путем изменения форм глаголов, когда глагол в 1-м лице, указывающий на говорящего (или на человека, над которым совершается чин пострижения), заменяется на причастие, менее прямо отсылающее к личности конкретного человека [2, л. 25–252; 3, с. 225–226].

Сказанное позволяет говорить о преобладании тенденции к введению обобщающего представления о священстве и монашестве взамен более конкретного понимания монашества и священства в дониконовской редакции Требника. Именно то, что священник является носителем благодати, возвышает его над верующим. Очень характерное изменение такого рода содержится в чине Крещения: при освящении

воды сосуд с елеем, согласно Требнику 1658 г., держит диакон, тогда как в дониконовской редакции Требника — восприемник, то есть мирянин, таким образом в некотором смысле участвующий в Таинстве. В никоновской же редакции участие мирянина в Таинстве, даже на уровне просто держания священного сосуда, абсолютно недопустимо, так как мирянин не имеет благодати священства.

Приведенные примеры наиболее ярко характеризуют направленность реформы на возвышение духовного сана, отраженную и в сочинениях главного реформатора — патриарха Никона, утверждающего, что не только патриарх является «образом Христовым», но в принципе «священство боле есть царства» на основании коренного качественного различия царства земного, «исполненного зол», и Царства Небесного, которое «не таково, но поеже прияти его мир, живот, радость, веселие». «Почто низводиши священство, горе сидящее на небеси?» — резко вопрошает патриарх своего оппонента, боярина Стрешнева [4, с. 283].

Вместе с тем проведение четкой границы между «мирянами» и священниками, монахами как носителями особой благодати сопровождается также целым рядом изменений, жестко определяющих статус священника или монаха в рамках «своей», пусть и отделенной от мирской, иерархии. Не случайным является стремление реформаторов четко разделить чины и требы, совершаемые священником и архиереем, поднимающие статус архиерея. Таким образом, изменения текста, касающиеся священства, не только возвышают само священство по отношению к мирянам, но и по-новому формируют представления о духовной иерархии. Вершиной ее является патриаршество и царство, подчеркиванию роли которых немалое внимание уделяют никоновские справщики. В связи с расширением прошений о царе и патриархе

следует отметить, что эта особенность никоновского текста сопоставима с политическими процессами, происходившими в обществе: консолидацией власти и формированием системы абсолютизма, а также ростом роли патриарха в период патриаршества Никона, однако анализ текста показывает, что подобная тенденция не объяснима только (а возможно, и не столько) политическими процессами, связанными с изменением характера власти. Для никоновского текста характерно более обобщенное и стройное представление не только о царстве и патриаршестве, но и о духовной иерархии вообще. Так, происходит также более четкое, нежели ранее, иерархическое разделение епископства и священства, что выражается, например, в запрете священникам освящать церкви, а также проводится четкая граница между мирянами и священством.

В свою очередь, противники реформы не приняли выхода на обобщенный уровень понимания священства, резко возражая против, например, запрета священникам освящать церкви, повышения роли высших чинов духовной иерархии, указывая, что реформаторы тем самым «на Бога возгордились». Такая реакция показывает прежде всего непонимание новых представлений о духовной иерархии, вводимых реформаторами. При этом радикализм и резкость смены представлений, в том числе и через трансформацию богослужебного текста, во многом и спровоцировали церковный раскол.

Библиография

1. Романо-борисоглебского попа Лазаря роспись вкратце церковным раздорам, их же собра Никон патриарх со Арсением чернцем от разных вер/Лазарь//Материалы для истории раскола за первое время его существования. — М.: б. и., 1878. Т. 4. С. 179–205.

2. Требник. — Москва: Печ. двор, 26.IX.1651. РГАДА СПК 3518 688 лл.

3. Требник. — Москва: Печ. двор, 10.XII.1658. — ГИМ Щап. № 1095 1030 с.

4. Возражение, или Разорение смиренного Никона, бывшего Московского патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу, и на ответы Паисеевы//Никон, патриарх. Труды. М.: Изд. МГУ, 2004. С. 197–463.

5. Голубцов А. П. Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М.: Син. тип., 1908. 312 с.

6. Флоренский П. А. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил-Русская книга, 1993. С. 1–174.

7. Симеон Солунский. Книга о храме//Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной Литургии. Основано на Священном Писании, Правилах Вселенских и Поместных соборов, и на писании св. отцев Церкви. Составлено Иваном Дмитриевским. Вновь пересмотренное и исправленное, с рисунками Академика Ф. Г. Солнцева. С приложением «Книги о храме» Симеона, Митрополита Солунского. СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1884. С. 305–352.

8. Аввакум, прот. Книга толкований и нравоучений//Памятники истории старообрядчества. М.-Л., 1927. Стб. 425–576.

АВТОРЫ СБОРНИКА

1. Ростислав, митрополит Томский и Асиновский, ректор ТДС.
2. Силуан, епископ Колпашевский и Стрежевской, преподаватель ТДС.
3. Иосиф (Еременко), архимандрит, кандидат богословия, преподаватель ТДС.
4. Людмила Владимировна Глушкова, преподаватель ТДС.
5. Константин Муратович Джусоев, кандидат богословия, преподаватель ТДС.
6. Игорь Леонидович Иванов, диакон, преподаватель ТДС.
7. Галина Васильевна Калиткина, доктор филологических наук, профессор Томского государственного университета, преподаватель ТДС.
8. Андрей Михайлович Клим, студент ТДС.
9. Татьяна Анатольевна Костюкова, доктор педагогических наук, профессор Томского государственного университета, преподаватель ТДС.
10. Дмитрий Николаевич Кремнев, диакон, преподаватель ТДС.
11. Евгений Александрович Маслич, протоиерей, преподаватель ТДС.
12. Евгений Михайлович Морозов, протоиерей, кандидат богословия, преподаватель ТДС.

13. Андрей Владимирович Носков, протоиерей, кандидат философских наук, преподаватель ТДС.
14. Паисий (Одышев), иеромонах, кандидат физико-математических наук, преподаватель ТДС.
15. Светлана Александровна Песоцкая, кандидат филологических наук, доцент Томского политехнического университета, преподаватель ТДС.
16. Ирина Анатольевна Поплавская, доктор филологических наук, профессор Томского государственного университета, преподаватель ТДС.
17. Наталья Ивановна Сазонова, доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент Томского государственного педагогического университета, преподаватель ТДС.
18. Антоний Павлович Слугин, иерей, преподаватель ТДС.
19. Тихон Владимирович Смокотин, иерей, преподаватель ТДС.
20. Андрей Валерьевич Туров, протоиерей, преподаватель ТДС.
21. Константин Валерьевич Хиров, иерей, преподаватель ТДС.
22. Роман Дмитриевич Чиорня, диакон, студент ТДС.
23. Александр Иванович Шалыгин, кандидат экономических наук, студент ТДС.
24. Павел Сергеевич Шараев, кандидат исторических наук, доцент Томского политехнического университета, преподаватель ТДС.
25. Роман Яковлевич Штаудингер, диакон, преподаватель ТДС.

**ТРУДЫ
ТОМСКОЙ ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ**

4

Компьютерная верстка
Родина Я. В.

Корректурa
Вершинина А. П.

Подписано в печать 20.12.2019 г.
Формат издания 84×108/16
Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman
Тираж — 300 экз. Заказ № 28 805

Отпечатано в ООО «Томский полиграфический комплекс»